

*Уроки Михаила
Небогатова
Вчера, сегодня, завтра*

Книга 1

Часть 1

Автор-составитель
Н. М. Инякина (Небогатова)

Кемерово
Кузбассвуиздат
2020

ББК 84Р7-5
У71

Читаем небогатовские строчки

Редакционная группа:
Н. Гордок, В. Устьянина, Т. Катрич

Уважаемые читатели! Авторский коллектив литстудии «Родники Сибири» вот уже пять лет на своих занятиях обращается к творчеству известного земляка Михаила Александровича Небогатова. Самодеятельные авторы, являясь самыми прилежными читателями его «Факультета молодого литератора», учатся у «всекузбасского учителя поэзии» и оценивают свои «вирши» его критериями — «критериями по-небогатовски». А начинали мы с небогатовских уроков, которые плавно перетекли в поэтический марафон «Читаем кузбасских поэтов», расширив авторский круг «провинциальных поэтов». Автор-составитель предлагаемого литературного исследования — Нина Михайловна Инякина (Небогатова), старшая дочь поэта, наш искренний друг и верный наставник на пути ученичества, активный участник редакционной группы литстудии. Мы предлагаем в очередном приложении к внутрестудийному журналу «Родники Сибири» первую часть первой книги «Уроки Михаила Небогатова. Вчера, сегодня, завтра».

У71 **Уроки Михаила Небогатова.** Вчера, сегодня, завтра: Кн. 1.: Ч. 1: Приложение к внутрестудийному журналу «Родники Сибири»/ Авт.-сост. Н. М. Инякина. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2020. — 103 с.

ISBN 978-5-202-01475-8

ББК 84Р7-5

© Гордок Н. А., 2020
© Оформление. ООО «АИ «Кузбассвузиздат», 2020

ISBN 978-5-202-01475-8

Перед вами лишь частичка большого и кропотливого литературного труда, в котором автор будущей книги представляет «некоторых участников небогатовского ФМЛ». В них Михаил Александрович заметил искорку дара Божиего и оказал поддержку поэтическим крыльям, благословив на творческий профессиональный полёт. В другом приложении к журналу, сборнике марафона «Читаем кузбасских поэтов», мы открыли для вас творчество Виталия Крёкова, Семёна Печеника, Валерия Ковшова, Ивана Полунина, Анатолия Саулова, Любови Никоновой, Геннадия Юрова, Александра Береснева, Валерия Зубарева, Владимира Мамаева, Владимира Поташова. С другими выпускниками ФМЛ предлагаем познакомиться в данном авторском приложении. Некоторые из них уже ушли из жизни, но их творчество занимает достойное место на литературной карте области. Другие продолжают творить большую литературу Кузбасса сегодня.

В четвёртой главе «Михаил Небогатов о творчестве» автор-составитель представляет вашему вниманию статью Учителя поэтов, вышедшую в сороковые годы, ещё задолго до ФМЛ.

Редакционная группа

Глава 1

Всекузбасский учитель поэтов

КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

Михаил Александрович Небогатов — участник Великой Отечественной войны, орденносец, всекузбасский учитель поэзии...

Иосиф Куралов

В летописи литературной жизни Кузбасса есть одна довольно яркая и необычная страница: более четверти прошлого века в областной газете «Комсомолец Кузбасса» жила рубрика, бессменным автором которой был кузбасский поэт-фронтовик Михаил Александрович Небогатов.

А что нам известно об этом человеке? Мы знаем, что родился он 5 октября 1921 года в многодетной семье (был 13-м ребёнком) в городе Гурьевске. С раннего детства полюбил поэзию

и эту любовь пронёс через всю свою жизнь. Первые стихи напечатаны, когда он был ещё школьником. Миша Небогатов твёрдо знал, что станет поэтом, и неуклонно шёл к своей мечте: много читал, знал произведения многих классиков, смолоду поставил перед собой ясную цель: в творчестве быть самим собой, писать только о том, что хорошо знаешь, что ты лично пережил, прочувствовал и пропустил через душу и сердце. Не отступал от этого своего принципа во время Великой Отечественной войны, участником которой стал, и потом, в долгие годы мирной жизни. Не учился ни в Литературном институте имени Горького, ни на Высших литературных курсах. Исключительно самообразованием, многогочтением и многописанием добился признания собратьев по перу, критиков, многочисленных своих читателей. В 1962 году стал членом Союза писателей СССР, издал 14 книг стихов, печатался в газетах, областных и всесоюзных, журналах, местных и центральных. В 1986 году стал лауреатом журнала «Наш современник» за циклы стихов «Сибирское лето» и «Времени река», а в 1988 году получил всесоюзное признание, издав единственную московскую книжку «Перепёлка». Своим учителем в поэзии считал

Александра Трифоновича Твардовского, автора бессмертного Василия Тёркина. Получив своеобразные уроки от большого советского поэта, Небогатов незаметно для себя и с пользой для молодых и начинающих на долгие годы превратился в учителя, наставника. И начался этот «учительский» путь в первом же послевоенном году — в августе 1946 года вышла целая газетная полоса с обстоятельной статьёй молодого тогда поэта (ему не было ещё и 25), недавнего фронтовика, о поэзии и поэтическом творчестве. И вот это знание поэзии, любовь к ней и не могли не подтолкнуть Михаила Небогатова к тому, чтобы делиться своим знанием с другими. Внутренняя потребность поэта, с большой самоотдачей занимавшегося литературным трудом, не осталась незамеченной: в областной молодёжной газете «под Небогатова» была создана рубрика, которая на долгие годы стала самой заметной и даже тиражи «молодёжки» поднимала — настолько она была востребована. Примечательная деталь: самая последняя статья Небогатова вышла за день до его кончины! Сердце поэта перестало биться 21 марта 1990 года. Он жил и умер, можно сказать, на боевом посту, до последнего вздоха не расставаясь с делом всей своей жизни.

После кончины Михаила Александровича вышло в свет ещё две книги, подготовленные к изданию его вдовой, Марией Ивановной Небогатовой: «Времени река» (1991) и «Благодарю, благодарю...» (1995), а в год 95-летия со дня рождения поэта издана ещё одна небольшая книжка стихов под говорящим названием «ПОТОМУ ЧТО ПОЭТОМ РОЖДЁН...». Её издала Областная научная библиотека имени В. Д. Фёдорова (теперь она носит другое название — Государственная научная библиотека Кузбасса имени В. Д. Фёдорова). Составителем книги стала дочь поэта, Нина Инякина. С октября 2012 года библиотека на малой родине Михаила Небогатова, в Гурьевске, носит его имя, а с декабря 2019-го она стала модельной. При библиотеке создан и работает... «Факультет молодого литератора.ПРО», который, в сущности, принял эстафету от небогатовского ФМЛ.

В разные годы рубрика, которую вёл в «Комсомольце Кузбасса» Михаил Александрович, оставаясь её бессменным ведущим, меняла названия, но неизменной оставалась её суть — разговор профессионального литератора, поэта-лирика с молодыми, начинающими стихотворцами о поэзии.

Поначалу это были просто обзоры поступивших в редакцию газеты стихов, потом последовали три открытых письма обратившимся в газету за советом, и, наконец, родилась рубрика, которая на долгие годы стала самой читаемой, ожидаемой и обсуждаемой, — «Факультет молодого литератора». В книге дочери поэта журналистки Светланы Небогатовой «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет» (2006 года издания), в разделе «О работе с областными газетами, радио, телевидением, издательством», читаем: «Михаил Александрович предлагал для печати в областные газеты не только стихи, но и литературно-критические работы. Едва выходил новый поэтический или прозаический сборник кемеровчанина или кузбассовца, он откликался на это событие рецензией. А его статьи, посвящённые анализу — подробно, квалифицированному, доброжелательному — творчества молодых литераторов («Факультет молодого литератора», «Литературная мастерская»), поднимали тираж газеты «Комсомолец Кузбасса».

Название рубрике дал не сам поэт — оно родилось в недрах редакции, но очень понравив-

лось её введущему. Вот какую запись сделал поэт в дневнике (там же, с. 262): «1969 год, четверг, 16 января, утро: Обзор стихов, написанный ещё в декабре, не пропал: позавчера напечатали его (в «Комсомольце Кузбасса». — Прим. ред.), причём под новой рубрикой — «Факультет молодого литератора». Эта рубрика, мне кажется, вполне соответствует той серьёзности, с которой я веду разговор о поэзии. Правильно поняли это в редакции».

Надо сказать и о том, что жизнь этой популярной рубрики была далеко не безоблачной. Опасения и сомнения нередко посещали Михаила Александровича (например, когда менялись редакторы «молодёжки»). В тех же дневниках он пишет (запись на с. 271): «1973 год, 28 ноября, 5-й час вечера: <...> Редактор в «Комсомольце Кузбасса» теперь будет новый — Владимир Романов, который заведовал в газете спортивным отделом.

Рудольф (Теплицкий) уволился, местом жительства выбрал город Фрунзе, скоро уедет. На днях я встречал его в книжном магазине, высказал опасение, не закроет ли мою лавочку (факультет молодого литератора) новый редактор. Он с улыбкой успокоил меня, мол, всё

будет по-старому. Володя, как он выразился, наш выкормыш, я, мол, говорил с ним об этом, он понимает важность этой рубрики».

Со временем рубрика набирала вес и значение, чему во многом и способствовало очень ответственное отношение к этой интересной, но архитрудной работе поэта-самоучки. Ведь ни для кого не секрет, что Михаил Александрович Небогатов не имел профессиональной литературной подготовки. За его плечами — лишь посещение занятий, которые обычно проходили по средам, в литературной группе при редакции газеты «Кузбасс», ещё с довоенной поры, неизменная любовь к литературе, в частности к поэзии, пожизненное самообразование и... творчество, творчество, творчество — с самого раннего детства и до последнего вздоха.

Был в работе с молодыми, начинающими авторами, которую взвалил на себя поэт, и большой перерыв, связанный с пошатнувшимся здоровьем: всё-таки прошёл войну, перенёс несколько инсультов. Рубрика не выходила с конца 1979 по февраль 1986 года. Однако и тут не было причин для волнений. Я пишу об этом в предисловии к книге «От ученичества к творчеству. ФМЛ» (2013 года издания):

«Надо отметить и такой факт: с ноября 1979 года «Факультет молодого литератора» как таковой существовать не перестал, но выпуск обзорных статей замедлился, как бы приостановился. Активнее стала рубрика «Литературная студия «ПРИТОМЬЕ» в связи с созданием при редакции газеты одноимённой студии. М. Небогатов обратился к читателям с просьбой не смущаться этим обстоятельством и заверил, что разговор с начинающими стихотворцами по-прежнему будет продолжаться с той же целью: литературная учёба. Однако подпись «М. Небогатов» под сообщениями о деятельности молодых литераторов стала появляться нечасто. Своеобразную эстафету подхватили другие литераторы: Геннадий Юров, Владимир Каганов, Владимир Ширяев, Валерий Зубарев; руководители городских литобъединений Кемерово, Новокузнецка, Белова, Ленинска-Кузнецкого и др.; журналисты «Комсомольца Кузбасса». А что же Небогатов? Он не отмалчивался. Не только активно участвовал в обсуждении литературного творчества молодых, высказывал своё мнение и давал объективные оценки, но и сам

писал новые стихи, готовил к изданию новые книги...».

И как итог ненапрасных коллективных усилий, ФМЛ возродился, под другим названием, но с той же целью — литературная учёба. Прочитаем дальше текст предисловия: «И вот в феврале 1986 года рубрика возродилась и получила новое название — «Литературная мастерская». В этой МАСТЕРСКОЙ Михаил Александрович заработал с новой энергией. До самой своей смерти (последняя статья вышла за день до кончины поэта!) он успел написать ещё два десятка разноплановых статей, несмотря на перенесённый инсульт и совсем неважное самочувствие. Читаешь эти статьи и поражаешься, с какой ответственностью он делал своё дело, как умел подбирать самые точные, единственно верные слова, как много успел дать умных, полезных советов подрастающей смене кузбасских литераторов. Статьи, написанные в форме задушевной беседы, с первых слов захватывают внимание читателя и не отпускают до самого конца. Создаётся впечатление, что поговорил с умным, добрым, очень эрудированным, но не высокомерным человеком, ко-

торый ненавязчиво, неназидательно говорит о самом сокровенном. И ещё одно впечатление возникает при чтении: статьи, написанные десятки лет назад, абсолютно, что называется, «не пахнут нафталином», не кажутся устаревшими. Они современные, актуальны. Недаром же говорил Михаил Александрович: «Века живёт стихотворенье, коль **НАСТО-ЯЩЕЕ** оно...»

Все выпуски «Факультета...» теперь уже трудно и, пожалуй, невозможно найти в газетах, но большая их часть — сохранившаяся — собрана в этой книжке. Михаил Александрович замыслил издать на основе этих обзоров **КНИГУ О ПОЭЗИИ**. Будем считать, что его замысел в какой-то мере осуществился!»

Да, книгу **О ПОЭЗИИ**, которую мечтал выпустить Небогатов, мы издали в 2013 году. Но это лишь одна часть работы. Для того чтобы разговор о творчестве, о Поэзии приобрёл завершённую форму, мы и подошли к главному: подготовке и изданию коллективного сборника, в который были бы включены не только небогатовские уроки, но и результаты его «педагогической», наставнической деятельности: творчество

«выпускников» легендарного «Факультета...». Эта мысль родилась не сегодня. Несколько лет назад с предложением собрать под одной обложкой стихотворения «птенцов из небогатовского гнезда — ФМЛ» обратился ко мне ныне покойный поэт Владимир Спиридонович Ерёмко. Об этом же случился у нас разговор и с поэтом-гурьянином Дмитрием Петровичем Клёстовым, который не был лично знаком с Небогатовым, но не раз и не два получал одобрительные небогатовские отзывы о своём творчестве. Я и сама давно помышляла о подобном издании. Но текущая работа с отцовским архивом, подготовка к изданию книги к 95-летию отца пожирали всё моё время. Просто физически это было на тот момент невозможно. Сейчас, когда до очередного юбилея Небогатова, его столетия, ещё есть время, осуществить эту задумку — наша задача! Хочется сделать сборник, который было бы приятно взять в руки, и оторваться от которого было бы трудно. Чтобы он получился читаемым, интересным от корки до корки, нам надо поместить в сборник только самое лучшее из всего созданного и ныне живущими поэтами-профессионалами, и теми, кого уже, увы, нет с нами. Ведь что греха таить? Те «молодые», кому да-

вал свои советы и рекомендации «Всекузбасский учитель поэзии», сегодня и сами уже достаточно возрастные авторы.

Главная цель нашего сборника — показать преемственность поколений и то, что Небогатов когда-то не ошибся, давая путёвку в Большую Поэзию подающим надежды и обладающим какими-то искорками таланта «ученикам». Хочется, чтобы каждый, кто прочитает этот сборник, мог сказать, что и впрямь «Кузбасская поэзия — лучшая за Уралом».

Во второй части приложения, посвящённого М. Небогатову, мы представим кратко творческие биографии выходцев из ФМЛ и предложим некоторые их стихотворения — какие-то на наш вкус, по методу случайного выбора, а какие-то — по согласованию с авторами.

**Нина Инякина — один из авторов идеи,
дочь поэта Михаила Небогатова**

Глава 2

Жеиного статистики

В книгу «От ученичества к творчеству. ФМЛ» (2013 года издания), составленную на основе **обзоров стихов** начинающих стихотворцев с 1963 по 1968 год, вошло **12** статей.

Статей непосредственно под рубрикой «**Факультет молодого литератора**» — с 26 февраля 1969 года по 9 февраля 1980 года — **113**.

По годам: 1969-й — 8, 1970-й — 5,
1971-й — 9, 1972-й — 12, 1973-й — 13,
1974-й — 11, 1975-й — 13, 1976-й — 8,
1977-й — 10, 1978-й — 11, 1979-й — 13.

В рубрике **ФМЛ совместно с литстудией «Притомье»** — **2**.

По годам: 1979-й — 1, 1980-й — 1;
в рубрике «**Притомье**» 1980-й — 2;
в рубрике «**Новое имя**» 1980-й — 1;
в рубрике «**Литературная мастерская**»
с 1 февраля 1986 года по 20 марта 1990 года —
20 статей.

По годам: 1986-й — 6, 1987-й — 6,
1988-й — 2, 1989-й — 4, 1990-й — 2.

Итого: под одной обложкой собрано **150** обзорных статей поэта.

Всего в обзорных статьях М. А. Небогатова упомянуто **415** имён, из них **профессионалами стали 20** человек (жирным шрифтом выделены те, кого уже нет среди живущих).

Фролова (в девичестве Барышникова, Небогатовым замечена именно под этой фамилией) Ирина Александровна (Кемерово, 14.06.1954 г. рожд.).

Бельмасов Алексей Михайлович (Ленинск-Кузнецкий, **01.01.1959 – 01.02.2013**).

Бокин Виктор Васильевич (Новокузнецк, 06.12.1946 г. рожд.).

Долгов Станислав Анисимович (Новокузнецк, 22.08.1945 г. рожд.).

Золотаина (Бельмасова) Галина Михайловна (Ленинск-Кузнецкий, 28.04.1956 г. рожд.).

Ибрагимов Александр Гумерович (Кемерово, **28.04.1947 – 18.07.2020**).

Катков Александр Иванович (Кемерово, 27.06.1950 г. рожд.).

Клэстов Дмитрий Петрович (Гурьевск, 13.03.1942 г. рожд.).

Ковшов Валерий (Красный Ключ, Крапивинский район, **13.12.1947 – 25.07.2008**).

Козлов Анатолий Михайлович (Кемерово, **04.10.1916 – 12.03.2003**).

Колмогоров Николай Иванович (Кемерово, **17.02.1948 – 12.08.1998**)

Косточаков Геннадий Васильевич (Новокузнецк, 07.04.1959 г. рожд.).

Крёков Виталий Артемьевич (Кемерово, **10.08.1946 – 05.09.2016**).

Максимов Олег Ефимович (Таштагол, 15.12.1944 г. рожд.).

Минькова Валентина Алексеевна (Кемерово, **17.09.1938 – 15.02.2011**).

Николаевский Николай Михайлович (Новокузнецк, **19.03.1949 – 20.05.1998**).

Печеник Семён Аркадьевич (Кемерово, **06.09.1940 – 12.02.2006**).

Подгорнов Сергей Елизарович (Анжеро-Судженск, 30.01.1956 г. рожд.).

Полунин Иван Стефанович (Кемерово, **13.02.1936 – 29.08.2017**).

Раевский Александр Дмитриевич (Новокузнецк, 11.08.1951 г. рожд.).

Рахманов Борис Анатольевич (Новокузнецк, 11.03.1949 г. рожд.).

На сегодняшний день известны в литературных кругах 16 человек:

Берестов Сергей Викторович (Мыски, 29.09.1963 г. рожд.).

Винокуров (Опарин) Евгений (Юрга, 1947–1994).

Глазырин Александр Андреевич (Осинники, 1935–?).

Зенков Геннадий Михайлович (Кемерово, 06.01.1941).

Иванченко Игорь Иванович (Юрга, 01.08.1946 – декабрь 2014).

Каптарь Анна (Кемерово).

Киселёв Василий Иванович (Краснобродский, 30.09.1960 г. рожд.).

Мартин Николай Александрович (Киселёвск, 07.03.1937 – 26.12.1996).

Петраш Владимир Игнатович (Игнатьевич) (Новокузнецк, 1938 – 14.10.1985).

Пискаев Николай Александрович (Белово, 14.11.1935 – 02.02.1979).

Полицын Геннадий (Ленинск-Кузнецкий, Кемерово).

Пьянкова Валентина Владимировна (Новокузнецк, 09.10.1946 – 07.02.2013).

Сербин Леонид (Новокузнецк).

Суменков Николай Сергеевич (Кемерово, 1926 – 22.08.2003).

Тарасов Алексей Михайлович (25.01.1935 – 21.06.2002).

Торгаев Леонид Алексеевич (Белово, 05.10.1936 – 11.02.1993).

Поэты, имеющие изданные книги (в том числе посмертно) и публикации в периодических изданиях:

Винокуров Евгений (Юрга).

Глазырин Александр (Осинники).

Иванченко Игорь (Юрга, 01.08.1946 – 12.1994).

Каптарь Анна (Кемерово).

Киселёв Василий (пос. Краснобродский, Беловский район).

Мартин Николай (Киселёвск).

Петраш Владимир (Новокузнецк).

Пискаев Николай (Белово).

Полицын Геннадий (Ленинск-Кузнецкий, Кемерово).

Суменков Николай (Кемерово).

Торгаев Леонид (Белово).

*Штрихи
к портретам
выходцев из «Факультета
молодого литератора»*

**Записи М. Небогатова
и разыскания Н. Инякиной**

Чтобы получить, хотя бы в общих чертах, представление о тех, кто попадал в поле зрения поэта, имеет смысл вспомнить, что писал Михаил Александрович об этих молодых людях в своих обзорных статьях. Обо всех выходцах из ФМЛ можно прочитать в книге «От ученичества к творчеству. ФМЛ». Сейчас мы поговорим лишь о тех, с кем знакомим в этом издании.

Начнём с **Ирины Барышниковой** (сегодня мы знаем её как **Ирину Александровну Фролову**). В статье «Талант — это труд» (Комсомолец Кузбасса. 1972. 30 марта. С. 4) среди других имён идёт речь и об Ирине. Цитируем фрагмент статьи: «Слабоваты по форме стихотворения недавней десятикласс-

Вчера, сегодня, завтра

ницы кемеровчанки **Ирины Барышниковой**, но начало одного из её стихотворений «Сыновья» стоит процитировать, потому что здесь в отличие от А. Булавского (одного из упоминаемых в статье молодых стихотворцев. — **Прим. Н. Инякиной**), не сочинительство, а искренний рассказ о доброй женщине, любящей матери:

*У нашей соседки (квартира направо)
Весь день в хлопотании бурном прошёл,
Ведь завтра приедет сынок её, Слава,
И надо бы встретить его хорошо.
Хоть рано осталась соседка без мужа,
Да на ноги трёх подняла сыновей:
Который постарше — зовётся Павлушей,
Который поменьше — зовётся Матвей.
А младшенький самый (сердечку услада)
Сулит на побывку приехать домой.
Соседка так рада, соседка так рада,
Не терпится сына увидеть самой.
Обед приготовила, окна помыла,
Всё вымыла, выскребла, села вязать.
Представила: как он вошёл бы, что было,
Что он бы на слёзы её мог сказать...*

О такой соседке читать интересно, хочется побольше узнать о ней и её сыновьях, и только ограниченность места в газете не позволяет нам привести стихотворение целиком, хотя оно и стоит того, потому что в нём — непридуманная, живая судьба людей, их радости и горести, их жизнь. Стихотворение «Сыновья» написано не очень умело с точки зрения поэтического мастерства, но зато с подлинной любовью к людям, с большой искренностью, правдиво и достоверно. Это видно даже по его началу.

Судя по другим стихам, учитель у Ирины Барышниковой хороший — Сергей Есенин. Советуем ей внимательнее, вздумчивее читать его лучшие стихи, чутко воспринимать, впитывать в своё сердце всё то, что ценно в творчестве этого замечательного русского лирика. И ещё советуем Ире как можно больше трудиться над своими стихами...»

Не правда ли, хорошие, добрые слова нашёл поэт для юной поэтессы?..

А вот ещё одно упоминание имени Ирины — в статье «**О чём-то шепчет о своём трава...**» (Комсомолец Кузбасса. 1972. 11 июля.

С. 3): «Кемеровчанка **Ира Барышникова** прислала несколько стихотворений. Одно из них, на мой взгляд, самое лучшее, есть смысл привести целиком:

О чём-то шепчет о своём трава...
 Кивают ей сосёнки на опушке.
 Вспорхнула с веток сонная сова.
 Берёзонька роняет завитушки.
 Притих ручей, набежавшись за день.
 И исчезают постепенно звуки.
 Клён сумеркам отдал дневную тень,
 Протягивая ветки-закорюки.
 Неслышно ночь спускается с небес,
 Чернила чёрные тихонько льёт из кружки.
 И засыпает в сладкой дрёме лес:
 Трава, ручей и сосны на опушке.
 Висит над лесом чёрная канва,
 Взяла всё в руки сонная завеса.
 Всё спит... И только изредка сова
 Нарушит мерное дыханье леса...

Ничего не скажешь, хорошее стихотворение. Чёткое по форме, цельное по содержанию и настроению. Можно с уверенностью сказать, что **Ира Барышникова** — одарённый

автор, что мы вправе ждать от неё больших творческих удач. И ещё можно сказать, что это стихотворение наверняка было написано не сразу, не за один присест — чувствуется продуманная работа над ним.

Основываясь на процитированных стихах, подведём некоторые итоги. Хорошее и плохое говорит само за себя, и то и другое для опытного глаза очевидно. В стихах, написанных на уровне, близком к профессиональному, «придирааться» не к чему, а там, где недостатки сами выпирают из текста, обязательно надо указать на них, чтобы помочь автору в его дальнейшей работе. Замалчивание погрешностей приносит лишь вред. И серьёзный автор не обидится на то, что его стихи подвергнуты критическим замечаниям. Наоборот, он будет работать ещё серьёзней...»

Вы заметили? Поэт не только целиком, без сокращений, привёл понравившееся ему стихотворение. Он ещё и вынес строчку из него в заголовки своей статьи! А это говорит о многом. Всего дважды отзывался Михаил Небогатов о творчестве Ирины, но эти отклики дорогого стоят!..

Следующим идёт **Сергей Берестов**, поэт из города Мыски. Дважды упоминается имя Сергея: в первый раз в статье «**Ради жизни на земле...**» (Комсомолец Кузбасса. 1986. 30 декабря. С. 3) и во второй раз — в статье «**О добре, о долге, о любви**» (Комсомолец Кузбасса. 1987. 25 июня. С. 3).

Начнём наше знакомство. Итак, в статье «Ради жизни на земле» Михаил Небогатов делает оговорку: «Совершенно неумелых, беспомощных в литературном отношении сочинений мы не будем касаться. Напомним только авторам, чьи строчки ограничиваются одной мыслью: «Мы за мир, мы не хотим войны», что любую тему надо, что называется, пропустить через своё сердце, которое подсказало бы какие-то свои слова, какое-то нестандартное, личностное выражение мысли и чувства». И далее приводит слова Льва Толстого: «Обо всём, даже о самом личном, надо писать так, чтобы это было **ИНТЕРЕСНО ВСЕМ**».

Цитируем статью далее: «А вот стихотворение «Мы памятью крепки» **Сергея Берестова** из Мысков:

Крутили в клубе фильм документальный.
 Война. Зима. Блокадный Ленинград.
 У проруби народ многострадальный,
 Худой девчужке тяжко — горький взгляд.
 Весы на улице, и очередь у них.
 Тревожно люд поглядывает на небо.
 Дороже всех запасов золотых
 Ложится на весы кусочек хлеба.
 Покажет стрелка — двести пятьдесят,
 И всё, ни грамма больше, это норма.
 Ручонки стойких худеньких ребят
 Берут ту норму и несут до дома...
 А дома всё заменяют эти граммы:
 Вечерний ужин, завтрак и обед.
 Но сын отдаст свои полнормы маме:
 Она больна, ей это не во вред...
 Я на притихших сослуживцев поглядел —
 Глаза горят и сжаты кулаки.
 За души всех нас этот фильм задел.
 И понял я — мы памятью крепки!

Можно было автору обойтись и без последнего четверостишия: и так ясно, что документальный фильм о блокадном Ленинграде, о страданиях его жителей всех смотревших киноленту задел за живое. Тут —

рассказ о далёкой минувшей войне, однако одно воспоминание о ней, о том, какое это было страшное лихолетье, это и молчаливый душевный призыв к тому, чтобы не обрушились на людей ещё более тяжкие испытания. Стихотворение — о военном времени, но оно вместе с тем — в защиту мира».

А вот следующее упоминание имени Сергея: «О войне и мире попытался написать небольшое стихотворение **Сергей Берестов** из Мысков. Тема эта <...> волнующая, животрепещущая, и освещать её даже в коротенькой миниатюре следует не только оригинально, по-своему, но и точно по словесному оформлению.

Зачем покой, когда планете неспокойно?
 Зачем уют, когда планете неуют?

Мысль выражена неточно. Что именно хотел сказать автор в этих начальных строчках, легко понять, если перевести их на язык прозы: «Можем ли мы оставаться спокойными, когда так неспокойно на планете? Может ли в полной мере радовать нас домашний уют, когда так неуютно на планете?».

Когда глядим в любимые глаза,
 Мы в этот миг так высоко над злом летаем.
 А если из любимых глаз — слеза,
 Какой глубокой болью мы страдаем.
 В минуты эти войнам места нет.
 Любовь и красота сердца не сушат...
 На берегу чудак-художник ждёт рассвет.
 Он взмахом кисти будит наши души...

Верится в то, что труды способного молодого поэта **Сергея Берестова** не пропадут даром, что его лучшие стихи со временем станут достоянием не одних близких, друзей, знакомых, а и многих читателей».

Хорошие слова! И они полностью могут быть отнесены ко всем тем, о ком мы здесь сегодня вспомним, ставшим профессиональными поэтами, так и к тем, кто по каким-то причинам не успел ими стать, но с литературой, с занятием поэзией не порывал...

Была одна статья, в которой Михаил Небогатов рассматривал творчество сразу четверых авторов: «**Разными гранями...**»: Критика и библиография (о книжках молодых кузбасских поэтов Ивана Полунина, Николая Колмогорова,

Александра Ибрагимова и Валерия Ковшова) (Кузбасс. 1983. 8 сентября. С. 4). Вот об **Александре Ибрагимове** и почитаем, а чуть погодя, следуя алфавиту, — о Николае Колмогорове: «На письменном столе передо мною четыре книжки четырёх молодых кузбасских поэтов: «Таёжный туюсок» Ивана Полунина, «Дом» Николая Колмогорова, «Пусть будет каждому любовь» **Александра Ибрагимова** и «Свет внезапный» Валерия Ковшова. Они совсем недавно появились на книжных прилавках. <...> «Пусть будет каждому любовь» — вторая поэтическая книжка **Александра Ибрагимова**. Как поэт он хорош своей творческой оригинальностью — почти все его стихи насыщены ассоциативной метафоричностью, их не спутаешь ни с чьими другими. В этом легко убедиться, приведя самые краткие цитаты из разных стихотворений: «Я снизу брошу за плечи, ступая на тёплый мост... А в Млечном потоке плещет плотва чешуёю звёзд!», «Тонкий, как детский плач, блеск утренних паутинок», «Или вдруг взбеленятся листья — Тютчев сдвинет гром наверху», «Звезда, как младенец, умыта, сияет в пелёнках небес», «Луч осенний стрекозу просквозит иголкой», «Утром проснулся...

А горы! — господи, — снежный надзор. Как головные уборы всемилосердных сестёр».

Я специально привёл так много примеров, чтобы показать читателям, насколько стихи **Александра Ибрагимова** оригинальны, интересны. Их необходимо читать самому — в пересказе, в разборе они многое теряют.

Правда, завершающие книжку поэмы «На расстоянии любви», «Зона», «Матерь — Родина простоволосая» и «Дом для всех» понравились мне меньше, чем стихи. Наверно, потому, что написаны они верлибром (свободным стихом), а эта форма никогда не вызывала и не вызывает у меня большой симпатии. Но — должен оговориться — это уж сугубо личное восприятие».

Ну что же. Отношение Михаила Небогатова к творчеству А. Ибрагимова понятно...

Переходим к **Александру Каткову**. В книге «От ученичества к творчеству. ФМЛ» имя этого молодого поэта упоминается в статье «**Высоты**» (Комсомолец Кузбасса. 1979. 30 января. С. 3), в которой М. Небогатов как член жюри конкурса «60 комсомольских лет» подводит его итоги: «В минувшем году по инициативе бюро

Кемеровского обкома ВЛКСМ, Комитета по телевидению и радиовещанию, бюро областной организации Союза журналистов СССР был проведён радиоконкурс на лучшее поэтическое произведение, посвящённое 60-летию Ленинского комсомола. В этом конкурсе приняли участие многие молодые литераторы Кузбасса. Некоторые из них имеют в своём творчестве определённые достижения, в частности первые книжки, другие публикуют свои произведения в газетах, в альманахе «Огни Кузбасса», третьи ещё неизвестны широкому кругу читателей — делают самые первые шаги на литературном поприще. Можно считать, что конкурс в какой-то степени достиг цели, которую ставил перед собой: он активизировал творчество молодых стихотворцев, способствовал пропаганде истории и современной деятельности комсомола; лучшие из конкурсных произведений были переданы по телевидению, прозвучали в радиопередачах.

В пределах газетной статьи мы, разумеется, не имеем возможности поговорить обо всех участниках конкурса, но о наиболее удачных работах стоит хотя бы вкратце рассказать (идёт рассказ о победителях конкурса,

занявших 1-е и 2-е места. — Прим. Н. Инякиной). <...> Кемеровчанин **Александр Катков** уже знаком кузбасским читателям: в одном из номеров альманаха «Огни Кузбасса» за прошлый год опубликована большая его подборка публицистических стихотворений о Чили. На конкурс «60 комсомольских лет» **Александр Катков** предложил стихотворение «Разговор с комсомолом»:

Светло и печально прощаюсь с тобой.
 Мне самый ликующий праздник не нужен.
 Спасибо за то, что твоею трубой
 Я был в мои ранние годы разбужен.
 Давай же у входа в райком посидим...
 Ты знаешь, я мог бы сказать на прощанье:
 «Полжизни — с тобой, и вся жизнь впереди,
 Так обещаю тебе не расставанье!».
 Ты помнишь, как мы повстречались с тобой?
 Сказал ты: «Вставай! Твоё время настало!
 Распахнуты дали и день голубой,
 Но времени, чтобы собраться, так мало».
 Ты мне протянул комсомольский билет,
 В груди поселил неуёмное свойство —
 Как песней любимой, дорогой болеть,
 Для правды и боли иметь беспокойство.

Но будут ещё меня звать за собой
 Все песни твои, как весенние громы,
 Поэтому здесь, у ступенек райкома,
 Ещё мне придётся встречаться с тобой...
 И вот ухожу я по талой тропинке,
 Но всё проступает видней и видней,
 Как хрупкою девушкой в алой косынке
 Спешит моя юность навстречу ко мне.

У **Александра Каткова**, как видим, особая душевная пристрастность к тому, о чём мы уже говорили выше: к прямому, не украшенному метафорами, эпитетами, сравнениями разговору на заданную тему. Пусть такой способ выражения себя не очень ярко поэтически, но он подкупает искренностью высказываемых мыслей. Верю автору: говорит он очень откровенно, от души. А поскольку мысли эти внутренне созвучны многим ровесникам автора, то и такие стихи — чисто декларативные — имеют право на существование. Именно искренность интонаций **Александра Каткова**, страстность его публицистики и продиктовала членам жюри их решение при определении конкурсных мест: этому автору присуждена третья премия <...>

В заключение хочется сказать следующее. Наверно, стоит почаще объявлять подобные конкурсы. И не только связанные с какими-то юбилейными датами, а просто на темы, которые подсказывает жизнь, время. Тем этих неисчислимо много.

А конкурс, которому мы посвятили сегодняшнюю статью сделал своё доброе дело: он побудил взяться за перо многих молодых авторов, и выявил среди них очень способных, о которых мы до этого ничего не знали. Теперь же мы имеем их на примете и вправе надеяться на новые литературные встречи».

Что и говорить: хорошие, добрые слова нашёл поэт Небогатов для своего молодого собрата по перу!..

А вот следующий наш автор — можно сказать, возрастной — «молодым» и «начинающим» он назывался в статье о его первой поэтической книжке. Речь о поэте-фронтовике, который по возрасту был даже старше М. Небогатова — **Анатолий Михайлович Козлов** родился на пять лет раньше поэта-наставника. Но поэтом он всё равно назывался молодым, начинающим, поскольку по жизненным обстоя-

ствам писать начал довольно поздно. Да об этом и говорится в статье Небогатова — в рецензии на книжку А. М. Козлова «Тонкорунные снега», вышедшую в поэтической кассете с одноимённым названием «**Не разлюби!**» (Комсомолец Кузбасса. 1989. 23 ноября. С. 3.): «В нынешнем году Кемеровское книжное издательство выпустило поэтическую кассету под таким названием. В ней в числе пяти авторов выступил с первой своей наибольшей книжкой «Тонкорунные снега» **Анатолий Козлов**. К настоящему времени он успел уже написать новые стихи (на целую книжку), о которых я и хочу поговорить в этой обзорной статье. Но сначала — некоторые биографические и творческие данные.

Козлова я знаю уже более тридцати лет, с тех пор, как мы ходили на занятия литературного объединения при областной газете «Кузбасс». Родился он в Ленинграде, но с четырёх лет его жизнь связана с Сибирью и Дальним Востоком. В юности он мечтал стать художником и даже поступил в Омское художественное училище, но был призван в армию, участвовал в войне с Японией, в освобождении Кореи от японских захват-

чиков. Демобилизовался в 1946 году, приехал в Кемерово.

В 1953 году произошла наша новая встреча с **Анатолием Михайловичем**: красивый, статный, подтянутый молодой военный принёс свои стихи мне, тогда ещё более молодому, чем он, редактору издательства, где я работал над коллективным сборником стихов «На рассвете».

С тех пор прошло много лет, но больше в книгах стихи **А. Козлова** не печатались. Но это не значит, что **Анатолий Михайлович** бросил заниматься поэзией. Композитор **Е. Лугов** написал четыре песни на его стихи, одна из них завоевала вторую премию на конкурсе (первая не присуждалась), позже художественный руководитель Уральского народного хора композитор **Н. Хлопков** тоже написал песню на стихи **А. Козлова**, и она была много лет в репертуаре хора.

Литературным творчеством **Анатолий Михайлович** занимался урывками, редко: совершенно не оставалось времени от хлопотливой и ответственной работы в органах внутренних дел. Года четыре назад, уже будучи на пенсии, он зашёл ко мне показать

новые свои стихи. Они мне понравились безыскусностью, искренностью, непосредственностью. Я посоветовал ему не оставлять поэзию, продолжать в том же духе. С тех пор почти каждый день он приносил мне или читал по телефону новые стихотворения. Передо мной раскрывалась молодая душа, умеющая воспринимать всё по-своему, оригинально.

Большая часть стихотворений книжки «Тонкорунные снега» написана в последние три-четыре года. Читатель сам оценит его творчество. Думаю, что **А. М. Козлов** стремится идти по стопам лучших наших поэтов, например, **Н. Некрасова** и **А. Твардовского**, а в стихах о природе его учитель, несомненно, **И. Бунин**, замечательный пейзажист. Манеру этих поэтов говорить с читателями **А. Козлов** старается перенимать не формально, а всем своим существом, своей поэтической натурой.

Анатолий Михайлович далеко не молод. **И**, конечно, сейчас можно с горечью говорить об упущенном времени. Но для меня очевидно и бесспорно одно: никогда не поздно взяться за перо, если есть что сказать.

А теперь откроем папку с новыми стихами **А. Козлова**, написанными в этом году. Повторяю, их много, целая книжка, а газетные рамки не безграничны, поэтому задача моя нелёгкая: не ошибиться, показать вам самое лучшее. Возьмём хотя бы вот эту незамысловатую миниатюру:

Костёр сгорел
И поседел.
Его, небось, тревожит,
Что вдруг
Остался не у дел —
Меня согреть
Не может.

Чем значительна эта простоватая на первый взгляд вещица? Тем, что это не только о костре, но и о человеке. У зарисовки второй (философский) смысл: всякий настоящий человек может быть доволен собою лишь тогда, когда он делает добро другому. Вы не задумывались, почему старые люди часто бывают раздражительными, даже злыми? Кому-то, наверно, представляется, что причина самая заурядная — старческая капризность. Нет,

на самом деле не так. Злятся они не на кого-нибудь, а на себя: за то, что в самых добрых своих душевных порывах они как бы «не у дел» — и рады бы чем-то помочь ближнему, да сил на это уже нет. Вот как много смог, по-моему, сказать **А. Козлов** в семи строчках.

Срывает ветер скудные пожитки
С дрожащих чёрных веток тополей.
Слетаются вечерние снежинки,
Как мотыльки, у жёлтых фонарей.
Пройдёт зима, и лёгким испареньем
Они к весёлым небесам уйдут.
Но всё равно — с великим нетерпеньем —
Дождями вновь на землю упадут.
Вот так и я хотел бы превращаться —
Пусть даже оказался бы в раю —
То в дождь, то в снег,
Чтоб чаще возвращаться
На землю горемычную свою.

Кажется, Горький говорил, что отличительный признак поэзии — бо́льшая, чем в прозе, эмоциональность. Так вот, с особенным (грустным) чувством читается это раздумчивое стихотворение, тоже с философ-

ским подтекстом — о единении природы и человеческой души. Если эта душа горячо влюблена в родную землю, то и потом, «на том свете», «оказавшись в раю», очень хотела бы не раз возвратиться сюда, в край лесов и рек.

Не только грустные элегии сочиняет **А. Козлов**. Вот проникнутое неподдельным мажорным чувством стихотворение «Черёмуха». Прошу внимательно вчитаться в каждую строчку — вы обнаружите немало поэтических находок.

Что такое?
 Не понять мне сразу.
 Неужели зрения обман?
 Вдоль речушки —
 Не окинешь глазом —
 Белый всё заполнил туман.
 К речке я спускаюсь
 Ранним часом.
 А с туманом
 Крепкий, как настой,
 До краёв наполнил поймы чащу
 Аромат черёмухи густой.
 Это ты дымящей белизною
 Пенишься, черёмуха моя.

Я купаюсь в этом белом зное,
 Радости по-детски не тая.
 Я тебе хочу тепла и света.
 И немало сочиню стихов.
 Ну а ты, черёмуха, за это
 Подари мне веточку духов.

Я неслучайно просил вас быть повнимательнее к отдельным строчкам, чтобы обнаружить поэтические находки, открытия. Вот лишь одна строчка: «Подари мне веточку духов», от которой не отказался бы любой профессиональный поэт!

А вот просто превосходное стихотворение о красоте, которой природа радует нас чуть не на каждом шагу:

Какая свежесть
 И изящность линий!
 Боюсь до них
 Дотронуться рукой —
 Фиалки смотрят
 Взглядом ярко-синим,
 Вселяя в душу негу и покой.
 И как бы мы искусно ни творили,
 Непостижима эта синева.

О, если бы цветы заговорили,
Какие были б нежные слова!

Мне кажется, я не ошибся — отобрал из новой рукописи **А. М. Козлова** для вашего знакомства с ними образцы настоящей лирики. Сделал я это не только для приятного чтения, но и для учёбы. Без всякого преувеличения отмечу такой факт: для собратьев по кассете «Не разлюби!..» их старший товарищ, поэт **Анатолий Козлов**, безусловно, примерный учитель, не говоря уже о тех начинающих стихотворцах, которые ещё не имеют ни сборников, ни публикаций».

Дошла очередь и до **Николая Колмогорова**. Давайте познакомимся с оценкой и характеристиками, которые дал ему поэт-наставник. Для этого вернёмся к статье «**Разными гранями**», обзору творчества сразу четверых авторов, среди которых есть и Николай (Кузбасс. 1983. 8 сентября. С. 4):

«Дом» — так назвал **Николай Колмогоров** свой второй сборник стихов (первый — «На земле светло» — вышел в Кемерове в 1977 г.). Очень удачное по краткости и ёмкости смыс-

ловых значений название. Дом — это и наша общая обитель, это и царство природы с её вечной, неувядающей красотой, это и вся наша земная планета, данная людям для счастья и радости, для процветания и прогресса, существованию которой в наш двадцатый век угрожает ядерное безумие. Дом — это также поэтический мир автора, населённый самыми заветными ему мыслями, многогранными — то устойчивыми, то мимолётными — чувствами и добытыми в нелёгкой работе ума и сердца образами и метафорами...

Главная душевная суть автора — любовь к окружающему. Любит он многое: всё, что возвышенно, что окрыляет человека, что дышит ничем не замутнённой новизной, любит жизнь во всех её проявлениях, ценит в ней всё здоровое и крепкое — как коренастые дома в заречье с окнами на «огромный косогор, заполнивший всё сердце столпотвореньем тополей».

Приведу целиком одно небольшое стихотворение, которое очень характерно для философских раздумий **Николая Колмогорова**:

Путь земной, тропинка вдоль реки —
как тесны по смыслу, как близки!

Но чем дальше, чем проворней шаг,
 рассечёт их смерть или овраг.
 Времени прозрачайший поток
 удержать ещё никто не смог!
 Дом природы, лет моих предел,
 я б тебя покинуть не хотел.
 Распорхнётся надвое одно:
 тело — в землю, а душа — в окно...

Молодой поэт взялся за перо не для того, чтобы кого-то повторять, а из искреннего желания поделиться с нами своими, именно своими мыслями и чувствами. Он хочет верить в то, что «этот мир глазами человека, быть может, для того дано увидеть, чтоб чувство изумленья испытать». Мы тоже так думаем».

Слов старший собрат по перу сказал немного, но они дают нам исчерпывающее представление о молодом поэте.

Достаточно много внимания уделил в своё время Михаил Небогатов своему подопечному **Николаю Пискаеву** из Белово. Он сразу заметил в стихах этого рабочего парня то самое, что и называется Божиим даром. А свои слова при-

знания достаточно ёмко выразил в статье, к сожалению для Николая, посмертной — «**ИСТИННЫЙ ЛИРИК: Штрихи к портрету**» (Комсомолец Кузбасса. 1980. 3 января. С. 4). Для полноты картины приведём её целиком.

«В феврале прошлого года мне позвонили из Белова и сообщили печальную весть: умер **Николай Пискаев**...

Впервые со стихами **Николая Пискаева** мне довелось познакомиться 16 лет назад. 4 декабря 1963 года в газете «Комсомолец Кузбасса» под рубрикой «Открытая консультация» я подробно разбирал несколько стихотворений начинающего поэта. Уже тогда в его литературной работе привлекала внимание такая отличительная черта истинной поэзии, как простота и задушевность. По качеству эти первые опыты не были, конечно, равноценными: одни строчки можно было прямо с ходу помещать в газету, а другие, стоящие по соседству, нуждались в доработке. Положительным примером являлось небольшое стихотворение о вечной молодости души:

Мне в голову покамест не приходит,
 Что там, за поворотом, за леском,

Моя же старость медленно выходит
 С посеребрённым добела виском.
 И смотрит, смотрит на тропу-дорогу,
 Пронзая взглядом темень и туман,
 Всё ждёт — дойду я и поставлю ногу
 В неотразимый старческий капкан.
 А я живу, кипя в своей заботе,
 Переживая радости, беду.
 И верю, что на этом повороте
 Я непременно старость обойду.
 Капкан замечу — пробегу стороной,
 Пускай от злости бросит старость в пот,
 Что я за лесом скрылся с песней звонкой,
 Уйдя за новый, дальний поворот.

По той подборке было отчётливо видно: молодому поэту есть что сказать о жизни, о людях; переживания его как лирика разнообразны и глубоки. Запомнилось, например, грустное стихотворение о мимолётности всего сущего, о неповторимости сегодняшних красок, запахов, настроений.

Настанет ночь. И снова мне приснится:
 Сгорело что-то, вьётся сизый дым.

О том, что чувства, выраженные в этом стихотворении, подлинны, а не выдуманны, свидетельствует такая деталь: подобный же мотив мы находим в более позднем стихотворении «Закат»:

А там, где небо синим краем
 На грудь земли легло, звеня,
 Горят, багрово полыхая,
 В огне закатном ячменя.
 Горит дорога... Всё дымится...
 И, обожжённый тем огнём,
 Как с человеком, распроститься
 Хочу всегда с прошедшим днём.
 Как друа давнего, как брата,
 Хорошей песней вспомнать...
 День отошёл, огнём заката
 Поцеловав земную грудь.

Кого-то из читателей, возможно, привлечёт здесь оригинальный образ вечерней зари, а на мой взгляд, главное в этом стихотворении — любовное, какое-то, я бы сказал, трогательное отношение автора к окружающему миру. Кстати, о большинстве стихов **Николая Пискаева** не скажешь, что они от-

личаются яркой образностью, нет, характерной особенностью их является иное, по-моему, более ценное, чем образ во что бы то ни стало, — это искренность чувства и достоверность рождённой в долгих раздумьях мысли. **Николай Пискаев**, как всякий истинный лирик, больше всего заботился о том, чтобы верно и точно передать то или иное душевное состояние, и уж если он начинал стихотворение — можно было не сомневаться, что возьмётся за перо не из каких-то отвлечённых соображений, а по внутренней необходимости, как говорится, по велению сердца. В доказательство сошлюсь на такое стихотворение, вошедшее в первую книжку поэта «Мой край задумчивый и нежный» (1970 г.):

Последний клён срубил какой-то дьявол
И на дрова, должен быть, уволок.
А я-то думал: здесь шумит дубрава,
Преображая этот уголок.
Грибы на зорьке, думал, вырастают,
На всю дубраву соловьи поют.
А мне о ней лишь пни напоминают,
В которых бойко муравьи снуют.
Потрескивают сучья под ногами.

Репейник густо заселил овраг,
На солнцепёке — лебеда кругами...
Эх, люди, люди.
Разве можно так?..

Какую естественную разговорную интонацию нашёл поэт для освящения неновой, казалось бы, темы! Особенно хороша в этом смысле последняя строка, которая воспринимается как грустный вздох, невольно вырвавшийся из груди любящего природу человека. Никакой поэмы, нарочитости, придуманности, и даже изобразительные средства самые обыкновенные, не претендующие на броскость, эффективность, а стихотворение берёт за душу.

Николай Пискаев родился и провёл детство в селе Поморцево Кемеровской области, и хотя по ряду обстоятельств жить ему пришлось в городе, он всё время тосковал по деревне, по своим односельчанам, и эта — отнюдь не показная — тоска часто выливалась у него в отличные стихи, навеянные воспоминаниями о деревенском житье-бытье. Недавно и название второй своей книги, которая увидит свет в этом году, он дал самое дорогое для себя — «Деревенское утро».

Вот оно, его заветное:
 Забота вечная о хлебе
 Мне словно пахарю дана.
 Вот появилась туча в небе:
 А в срок ли, думаю, она?
 Не повредит ли сенокосу?
 Природу мысленно корю.
 За папирисой папирису,
 За тучей той следя, курю.
 И в пору жатвы замечаю,
 Что вновь боюсь дождливых дней,
 А в сушь весной переживаю
 Из-за того, что нет дождей.
 Рабочим званьем козыряю
 И хлебным полем дорожу.
 К какому классу, сам не знаю,
 Сегодня я принадлежу.

Это стихотворение в числе других опубликовано в коллективном сборнике «Дыхание земли родимой», который недавно выпустило Кемеровское книжное издательство. В этой своего рода кузбасской антологии — стихи тридцати пяти поэтов, среди которых **Николай Пискаев** — один из самых одарённых. И тут невольно вспоминается чуть ли не

главная черта его человеческого характера: скромность. Она притягательна в любом из тех, с кем нам приходится встречаться в жизни, но в **Николае Пискаеве** скромность была чрезмерной, и по этой причине оказывала ему плохую услугу: мешала поверить в свою природную одарённость, постоянно терзала сомнениями в своих силах и возможностях. В его письмах ко мне то и дело попадают такие фразы, как «пишу мало, что-то не работается, нет настроения», «занимаюсь доработкой старых стихов», «в издание своей книги не очень верю». А будь у него побольше уверенности в себе — больше было бы и сделано...

Скромность в нём была кровной сестрой редкостной честности. Вспоминается такой случай. В январе или феврале 1968 года газета «Кузбасс» напечатала большую подборку стихов молодых кузбасских авторов, и в их числе стихотворение «Руки» земляка **Николая Пискаева** беловчанина А. Бармина. А дня через три в редакцию газеты пришло письмо от её читателей, супругов Соколовых, которые недоумевали, почему под стихотворением «Руки» стоит подпись «А. Бармин» — ведь его автор ленинградская поэтесса Надежда Полякова.

И вот что написал мне **Николай Пискаев**, когда узнал об этой истории: «Только что приехал из редакции городской газеты и сразу сел писать вам письмо. Вы, конечно, знаете давно уже, что натворил А. Бармин, член нашего литературного кружка. У меня пока не укладывается в голове этот факт. Невероятно. Позор. В редакции его, что называется, «потрясли», и он признался, что этот случай со стихотворением «Руки» не единственней. Указал ещё на несколько стихотворений, опубликованных им в городской газете. Но только «Руки» с рук не сошли.

Позор, конечно, не только А. Бармину, но и всем нам, членам всей литгруппы, вовремя, хотя бы раньше, чем он попал в «Кузбасс», не сумевшим уличить его в краже, в плагиате.

Тяжело, как несчастье, переживаю этот случай, потрясён до глубины души. Ведь я по своей душевной простоте и, вероятно, узости своего кругозора рекомендовал его вам. Чёрт возьми, вроде бы и стихов читаю немало, в своей библиотеке имею около семисот сборников — и вот как-то просмотрел... И это перед самым совещанием молодых писателей Кузбасса, откуда теперь, наверное,

всех нас (имею в виду беловчан) с треском выгонят».

Только честнейший человек может так сильно переживать бесчестный поступок кого-то другого как собственное несчастье. А следующее письмо приоткрыло и другую сторону характера моего молодого друга — сердечную доброту, которой даже незнакомо чувство мстительности или злорадства, а наоборот, близко что-то вроде сострадания, скрытой жалости и сочувствия:

«Очень рад, что вы не успели ничего сказать (в газете) о Саше Бармине. Чёрт его знает, что происходит. Ведь он всё-таки не дурак... Его я давно не видел, ездил к нему — дома не застал. Мих. Ал., готов во всеуслышание сказать о его позорнейшем поступке и в то же время с болью в душе смотрю, с каким удовольствием его «едят». И вот уже целый месяц такая сумятица, неустроенность в душе. Может быть, просто ошибся человек... молодой всё-таки, а?»

Ничего не могу понять, хотя в моём возрасте, вероятно, надо бы кое-что понимать в любой сложной ситуации. Что поделаться...».

Я неслучайно привёл такие большие выдержки из писем Николая Пискаева — о себе человек рассказывает лучше, чем другие о нём. А из этих писем читатель ясно представит личность поэта, и не только поэта, а и человека.

Есть народная пословица: о покойном плохо не говорят. Но мы говорим о Николае Пискаеве хорошо не потому, что его уже нет с нами, а потому, что это был действительно прекрасный человек и поэт».

Тут и добавить нечего: всё сказано!

Александр Раевский. Этот поэт-новокузнечанин знаком нам по двум статьям: «**Не много надобно труда...: О стихах в альманахе «Огни Кузбасса»** (Комсомолец Кузбасса. 1980. 11 сентября. С. 3) и «**Знакомство продолжается**» (Комсомолец Кузбасса. 1977. 1 марта. С. 3).

В первой статье Михаил Небогатов очень подробно разбирает творчество молодых поэтов — участников городского литературного объединения «Гренада», среди которых упоминается имя Александра Раевского.

Почитаем эту статью в некотором сокращении: «В Новокузнецке много лет работает

городское литературное объединение «Гренада». На состоявшемся здесь в декабре выездном семинаре молодых литераторов, который проводила Кемеровская писательская организация, обсуждались стихи членов литобъединения «Гренада». Им отдан весь поэтический раздел второго номера альманаха «Огни Кузбасса» за этот год.

Поэтические подборки новокузнечан вводят на многие раздумья. В последнее время на страницах столичных изданий — в газетах, журналах — наши ведущие критики всё чаще заводят разговор о том, что вызывает правомерное беспокойство и даже тревогу: умеющих писать стихи молодых в настоящее время сотни и тысячи, но — увы — нет среди них более или менее выдающегося поэта, о котором с гордостью и радостью можно было бы сказать: перед нами — яркая, самобытная личность. А ведь именно такими неповторимыми личностями были в свои молодые годы Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Константин Симонов, Александр Яшин, Ярослав Смеляков. Всех их уже нет с нами, и ряды их оказались не заполненными, не нашлось у нас, к сожалению, поэта, который бы

так же громко заявил о себе с первых своих шагов на литературном поприще.

Про новокузнецких авторов тоже можно сказать: «Да, стихи писать они умеют, этого у них, как говорится, не отнимешь». Недаром газета «Комсомолец Кузбасса» посчитала своим долгом открыть для областного читателя этих способных авторов, сопроводив их подборки и циклы самыми добрыми словами. Первые газетные публикации таких стихотворцев из «Гренады», как **Николай Николаевский**, **Александр Раевский**, действительно заслуживали одобрения, если учесть при этом простой факт: их стихи выгодно отличаются от множества сочинений, которые приходят в так называемом редакционном потоке. Следует учесть и другое: газета есть газета, она живёт один день, и зачастую то, что печатается на её страницах, не годится для альманаха, журнала или сборника. Слишком разная специфика того и другого издания.

«Огни Кузбасса» — литературно-художественный и общественно-политический альманах. В соответствии с этим наименованием и обязаны мы подходить к тому, что здесь на-

печатано, и спрашивать с авторов по большому счёту, пусть и как с молодых, не очень опытных, но всё-таки создателей литературно-художественных произведений. Особо мне хочется подчеркнуть слово «художественных». Мы должны рассматривать не только то, что предлагают читателю молодые стихотворцы, но и как они это делают, при помощи каких художественных средств. <...>

Гораздо значительнее выглядит лицо «Гренады» в стихах **Александра Раевского**, в частности, в его пейзажной зарисовке «После дождя»:

...Разряды кончились. В траве
Воды движение и блики.
И очумелый муравей
Смешно скользит по землянике!..
В столбах лучей, наискосок
Пронзивших крыши туч разбитых,
Дымит берёзовый лесок,
Российской нежностью умытый.
Больные листья, мусор, пух —
Ничто в борьбе не уцелело,
А всё зелёное вокруг
Ещё сильней зазеленело!

Последних капель голоса
 Всё реже в птичьем хороводе,
 Вовсю яснеют небеса...
 И пахнет свадьбою в природе.

Здесь нет и следа от желания помудрствовать лукаво, и в результате получилась истинно поэтическая картинка природы, где всё до самых мелких деталей живо, зримо, достоверно. Вот так — с любовью к жизни, к природе, с большим уважением к родному языку, с отточенностью и выверенностью каждого слова — и надо писать, ориентируясь на лучшие образцы русской поэзии.

<...> Да, все «гренадовцы» стихи писать умеют. А станут ли они поэтами — сказать пока трудно. Иногда мы бываем слишком «добренские»: именуем этим высоким званием чуть ли не всякого, кто умеет рифмовать. Следовало бы при этом помнить: «Не много надобно труда, уменья и отваги, чтоб строчки в рифму, хоть куда, составить на бумаге».

И во второй статье («Знакомство продолжается») Михаил Небогатов вновь рассказывает о нескольких способных авторах, к тому же даёт и их стихи. В их числе и **Александр Раев-**

ский: «Имя новокузнецкого автора **Александра Раевского** в «поэтической рубрике» уже не новое — он участник областного семинара при Кемеровской писательской организации в 1975 году, но в нашу газету Александр прислал стихи впервые, и две вещи из подборки мы с удовольствием предлагаем нашим читателям. Основное достоинство этих пейзажных стихотворений — их краткость, которая ничуть не отражается на содержательности, на объёмности изображённых картин: тут налицо ёмкость художественного письма, строгий отбор образов («А вдали ползут оранжевой букашкой по полю чьи-то «жигули», «И пылал значок оконца на окраине села»). Весьма возможно, что кого-то смутит строка: «То ль архангеловый след?», могут подумать: «Неужели автор верит в существование божественных существ?» Сразу же необходимо отместить это сомнение, подчеркнуть, что сказано это иронически, в шутку. Говорим же мы в таком смысле: космические ракеты, корабли потревожили покой богов»...

А дальше, после статьи, в рубрике «Новые имена» читаем стихи **А. Раевского:**

ОСЕННИЙ ЭТЮД

В огне купаются осины,
 В ложбине прячется стожок.
 Паучья нить.
 Венец лосиный
 Во мху, как белый гребешок;
 Гнездо, покинутое пташкой,
 Свисает рядом.
 А вдали
 Ползут оранжевой букашкой
 По полю чьи-то жигули...

ВЕЧЕР

В камыши садилось солнце,
 Гладь по-разному цвела...
 И пылал значок оконца
 На окраине села.
 А за той, за крайней хатой,
 С воробьями на плетне,
 Очень тихо и богато
 Лес осиновый темнел.
 А подальше, за болотом,
 Розовел кудрявый свет —
 То ли след от самолёта,
 То ль архангеловый след?..

Не прошёл молодой автор и мимо темы войны. И не мог не попасть в поле зрения поэта-фронтовика. В статье, посвящённой анализу поэтической почты, касающейся Великой Отечественной войны, среди других авторов вновь находим имя, уже знакомое нам. Вот что пишет Михаил Небогатов в предисловии к статье «**Не в теме главное**» (Комсомолец Кузбасса. 1978. 29 июня. С. 3): «*Великая Отечественная война была, как пелось тогда в известной песне, войной народной, священной, она не миновала ни одну советскую семью, и сколько бы лет ни прошло со дня победы над гитлеровскими фашистами, не изгладится из памяти народа, не перестанут волновать его сердце события тех грозных времён. На военную тему написаны многие сотни стихов, поэм, рассказов, повестей, романов, пьес, и, несмотря на это, всё новые авторы продолжают создавать произведения, так или иначе затрагивающие эту тему. Пишут и бывшие фронтовики, и сыновья, и внуки их. Пишут, потому что не могут не писать: кто-кто, а поэт — пусть пока ещё непризнанный, поэт, как говорится, в душе — не может оставаться равнодушным к угрозе новой, ещё более разрушитель-*

ной ядерной войны. Тревога не только за себя, а за будущие поколения диктует взволнованные, проникновенные строчки о любви к жизни, о ненависти к её врагам».

Далее предоставляется слово двум стихотворцам, а завершается статья разбором стихотворений **Александра Раевского**: «К теме войны обратился и представитель очень молодого, послевоенного поколения новокузнецчанин **Александр Раевский**. Вчитаемся внимательно в его стихотворение «Старые плотники».

Огласил задание прораб:
 «Дом, что возле площади, — на слом!»
 Добре. И в четыре топора
 Загрели, только рассвет...
 Дружно так работали, но — чур!
 Сели на поваленный забор,
 Поперхнулся что-то разговор,
 Затянулся что-то перекур.
 «Взводный ранен — хрипы из груди...
 Кличу санитаря: «Подними!»
 Тут и мне...» — осёкся бригадир,
 «Беломором» густо задымил.
 Позабыты пилы, топоры.

Что со стариками, не понять.
 «Прохор помер...
 Двинули в прорыв...»
 Фраза — и молчание опять.
 Мужики, да что вы про войну?!
 Оказалось — вот она, война:
 Дед Василий тюкал по бревну —
 Выскочила пуля из бревна...

Читатели, наверно, уже успели заметить, что стихотворение по объёму небольшое, а мыслей, ассоциаций оно вызывает много, мы находим что-то существенное не в самом только тексте, но и между строк. В данном случае очень к месту пословица: дело мастера боится. Мы, конечно, не хотим сказать, что у Александра Раевского очень высокий уровень мастерства (нет, это не совсем так; оставляет желать лучшего, например, его рифмовка, весьма приблизительная), но писать хорошие стихи он, несомненно, умеет.

Вернёмся к идее стихотворения. Она — многопланова. Тут и характерное изображение борьбы старого с новым в нашей жизни: раз уж есть в селе или в городе площадь, то и не место на ней бревенчатому жилью

(«Дом, что возле площади, — на слом!»), и трудолюбие старых плотников (только рассвело — они уже за работой), и одна из золотых особенностей характера простого русского мужика — скромность (про взводного своего готов рассказывать часами, а как речь зашла о себе — молчок).

Главная идея стихотворения — в жизнеутверждении. Всё старое — на слом! Жизнь отстаивает свои права, как отстояла их и в те времена, о которых напоминает то пуля, то осколок. А сделать это — защитить свет от мрака — помогли ей вот эти простые, добрые, скромные труженики войны и мира, старые плотники.

Темы, о которой мы говорим с начала статьи, **Александр Раевский** коснулся лишь слегка, а впечатление от его стихотворения гораздо сильнее, чем от предыдущих. Значит, не в теме главное, а в том, как, при помощи каких изобразительных средств освещать её. Как видим, успеха можно добиться не благодаря прямолинейной многословной декларативности, а наоборот — благодаря некоторой недоговорённости, за которой легко угадываются и другие мысли автора, ко-

торые он умно оставил при себе, дав таким образом возможность самому читателю поразмыслить над коротко выраженным.

Вот ещё одно стихотворение **Раевского** — «Гость».

Хозяин к ночному окну приникал.
Кряхтел. Обувался. Спешил за ворота...
Хозяйка на стол собирала, пока
В надворье творилось хорошее что-то;
А там — по сугробам, плетням и столбам
Метались лучи. Рокотала машина...
От близкого гуда дрожала изба...
А после в избу заходили мужчины.
Фуфайки и шапки ложили на пол
(Дохнуло мазутом, морозовой злостью!),
Трясли умывальник. Садились за стол.
Садились и пили за доброго гостя.
А гость —
Луговая забота людей —
Темнел во дворе величаво и строго,
И было уютно январской звезде
Дремать на заснеженном темени стога...

Здесь то же самое ценное качество, что и в «Старых плотниках»: коротко сказано

о многом. Очень серьёзно продумал автор композицию стихотворения: вначале, прочитав название его, мы никак не можем понять, что за гость имеется в виду. И лишь из последних строк узнаём, что это — стог, что ради него, этого величавого и строгого ночного гостя, и написано всё. Очень хотелось бы, чтобы молодые авторы и раз, и два прочитали стихотворение своего собрата-сверстника, прочитали с целью поучиться, как создавать по-настоящему хорошие поэтические произведения.

Пожелание им такое: как можно внимательнее читайте хорошие стихи, старайтесь понять, чем берёт настоящий поэт. А когда сами возьмёте в руки перо — помните об этом поэте, равняйтесь на него. Может, и вам удастся написать что-то пусть не лучшее, но хотя бы не хуже, чем он, настоящий поэт».

Хорошие слова сказал в концовке статьи поэт-наставник. Я не стала их убирать, так как они относятся и к творчеству **Александра Раевского** тоже.

И завершим мы представление молодых поэтов **Леонидом Торгаевым** — он едва ли не

самое часто упоминаемое имя в обзорных статьях рубрики «ФМЛ». Ему и его творчеству Михаил Александрович уделял, я бы сказала, повышенное внимание, с удовлетворением отмечал явный профессиональный рост своего подопечного. Покажем это на примере нескольких статей.

НЕ ТЕХНИКОЙ ЕДИНОЙ

Весна, как говорят, полностью вступила в свои права, а посему первое слово — авторам, которые прислали нам весенние стихи. Итак, стихотворение «Март», написанное **Леонидом Торгаевым** из Белова:

Рванув стремительно со старта,
 Большой разбег берёт весна,
 Сюрпризы взбалмошного марта
 Вновь преподносит нам она.
 Всем: птице, зверю, человеку —
 Несёт заботы и мечты,
 И скоро будет спящим рекам
 Ломать безжалостно хребты.
 Мятежно прёт она сквозь вьюгу,
 Даря нам радость бытия —

И тянутся сердца друг к другу,
 И в жён влюбляются мужья...
 Брожу под звонким небосводом,
 Душой к прекрасному не глух,
 И у озвученной природы
 Беру мелодии «на слух»...

Что можно сказать об этом стихотворении? Прежде всего то, что **Леонид Торгаев** в отличие от многих начинающих авторов уверенно владеет стихосложением, поэтической техникой — он хорошо чувствует музыку стиха, ритм, умеет подбирать интересные рифмы. И это — немаловажное достижение, такими и должны быть настоящие стихи — с чеканным размером, со звучной рифмовкой. Но сама по себе, отдельно от содержания вещи стихотворная техника не существует, а в содержании этого стихотворения встречаются, на наш взгляд, кое-какие недочёты. Их нетрудно обнаружить, если внимательно, а не бегло прочитать внешне крепко сложенные строки.

Вначале о весне сказано, что «сюрпризы взбалмошного марта вновь преподносит нам она». Естественно наше желание узнать,

в чём же заключаются эти сюрпризы? Но никакого пояснения, никаких признаков взбалмошности марта в следующих строчках мы не находим, и остаётся верить автору на слово, что март капризен, своенравен, горазд на всякие каверзы, которых не ждём. Мысль, таким образом, не получила логического развития, о сюрпризах только заявлено, а суть их не раскрыта, и потому с первых же строк разочариваешься: не находится ли автор в плену техники, не жертвует ли ради неё замыслом?

Небрежность в обращении к слову в одной строке особенно разительна, так как искажает сам образ весны. С нею в нашем представлении всегда ассоциируется что-то лёгкое, женственное, изящное, нежное, а тут — на тебе: «Мятежно прёт она сквозь вьюгу». «Прёт!». Как трактор или бульдозер.

Неискущённому читателю может показаться крепко сделанным и другое стихотворение **Леонида Торгаева** «Апрель». Вот оно:

Апрель играет на свирели,
 И золотится окоём,
 И птицы вновь поднаторели
 В искусстве певческом своём.

Шалея, солнышко в экстазе,
 Как на заклятого врага,
 Обрушивает мощный лазер
 На обречённые снега.
 Зима грозитя на прощанье,
 Но только с некоторых пор
 Ей был на птичьем совещаье
 Подписан смертный приговор.
 Она уходит без надежды
 Сквозь запоздалую пургу,
 Бросая ветхие одежды
 На умирающем снегу.

И здесь — тот же чеканный ритм, такие же звучные рифмы. Больше того — автор не ограничился общими словами, а попытался раскрыть тему весны в образах, метафорах, что, разумеется, заслуживает похвалы. К сожалению, не всё в стихотворении продумано, недостатки — буквально в каждом четверостишии.

«И птицы вновь поднаторели». Слово «вновь» — явно для заполнения ритмической пустоты, по смыслу оно здесь неуместно. Натореть или поднатореть, т. е. наловчиться в чём-то, набить руку, можно лишь однаж-

ды — что называется, раз и навсегда. В данном случае про птиц можно сказать, что они уже давно (а не вновь!) поднаторели в искусстве певческом своём. В следующей строфе солнечные лучи даются в образе мощного лазера, который обрушивает на обречённые снега... солнышко. Уменьшительное «солнышко» никак не подходит к тому, что оно «делает», к тому же «шалея» и в «экстазе». Мощным лазером, сокрушающей силой может обладать не ласковое, безобидное солнышко, а большое, раскалённое солнце, светило. Так и надо было написать.

«Но только с некоторых пор... ей был подписан». Фраза построена не совсем грамотно. Раз подписан, то не с некоторых пор, а тогда-то, в такую-то пору.

Читаем последнее четверостишие: «Она уходит без надежды сквозь запоздалую пургу». Пурга — это же принадлежность зимы, её стихия, и по приведённой фразе получается, что зима уходит... сквозь себя.

Я неслучайно так подробно остановился на стихах **Леонида Торгаева**. Хотелось наглядно показать, что стихотворная техника, даже самая совершенная, сама по себе мало что значит, её ни в коем случае нель-

зя отождествлять с поэтическим мастерством, которое предполагает очень многое, а не одно умение складно слагать строчки. Техника требует разумного обращения с нею, а иначе она превращается в палку у двух концах. Леониду Торгаеву, человеку, не лишённому поэтических способностей, надо серьёзно подумать об этом.<...>

(Комсомолец Кузбасса. 1971.
27 апреля. С. 4)

НАМ НЕ ВПЕРВОЙ ВСТРЕЧАТЬ КРУТЫЕ ЗИМЫ

Многие молодые авторы очень болезненно воспринимают критику в свой адрес, обижаются, пишут сердитые письма. И тем приятнее отметить, что есть и другая категория пишущих. Такие авторы стараются серьёзно, вдумчиво вникнуть в критические замечания, высказанные по поводу их стихов, и сделать из этого соответствующие выводы. Однажды мы не совсем лестно ото-звались об одном из стихотворений машиниста электровоза шахты «Чертинская»

Леонида Торгаева из Белова. Критика была, прямо скажем, настолько резкой, нелюбезной, что казалось, Леонид Торгаев «смертельно» обидится на газету и никогда больше не пришлёт ничего на её суд. А случилось наоборот. После длительного молчания и, надо полагать, после мучительных раздумий над своей поэтической работой молодой поэт прислал нам новое своё стихотворение «Октябрь»:

Дождя и снега путаная ересь,
Порывы ветра жёстки и грубы...
Дрожат берёзки зябкие, уверясь
В фатальной неизбежности судьбы.
И шорохи, и вздохи их невнятны,
Блуждает грусть

меж трепетных ветвей...

Ах, как они близки мне и понятны
В осенней беззащитности своей!
Мне хочется их принакрыть полою,
Чтоб отступила белая беда, —
Я сам перед житейской вьюгой злою
Бываю беззащитным иногда.
Пусть скоро яростны, неотразимы
Метели будут их ломать и гнуть —

Нам не впервой
встречать крутые зимы,
Переживём и эту как-нибудь.

Хочется от души поздравить **Леонида Торгаева** с удачей, с хорошим стихотворением. Прочитайте его несколько раз, и вы убедитесь, что здесь продумана каждая строка, каждое слово. Ничего лишнего, пустого, всё «играет» на основную мысль — о родстве человека и природы. Следует также отметить — это немаловажно! — отточенную форму стиха: чёткий ритм, полновзвучные рифмы. Сразу видно, что на стихотворении лежит печать кропотливой, тщательной работы.

Этот случай свидетельствует о том, что критика не обескуражила автора, не разуверила его в своих силах и возможностях, а, напротив, помогла, вселила уверенность в себе, в то, что может он написать настоящее стихотворение. Почаще бы так случалось! <...>

(Комсомолец Кузбасса. 1971.
18 декабря. С. 3)

Михаил Небогатов о творчестве

Интересное наблюдение сделала я, работая над составлением книги на основе отцовских обзорных статей о творчестве начинающих стихотворцев: ведь задолго до появления в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» рубрики, ставшей на долгие годы популярной, «Факультет молодого литератора», Михаил Небогатов уже писал литературоведческие статьи. Так, были они опубликованы и в начале 1960-х, просто под рубриками «Обзор стихов», «Обсуждаем твои стихи», «Прислушайтесь, молодые авторы» и т. п., а в газете «Кузбасс» в послевоенном 1946-м году была напечатана большая, на весь подвал, статья «О творчестве начинающих поэтов» (в номере за 25 августа на 4-й странице). Я эту статью лишь потому не включила затем в книги из серии «Известный неизвестный Небогатов» «Фотографии души» и «Доброта чувств», что статья была невосстановима полностью — оборван нижний правый уголок... Додумывать за Небогатова я не стала, а давать в усечённом виде не решилась. И всё-таки, на мой теперешний

взгляд, статья заслуживает внимания уже потому, что писал её ещё сам молодой и тоже начинающий поэт-фронтовик. Но уже в этой статье почти 25-летнего молодого литератора (25 исполнялось 5 октября) чётко просматривается его серьёзное отношение к литературному труду, его понимание поэзии как занятия серьёзного, каждодневного, а не от случая к случаю, и видна его позиция как поэта — будущего наставника молодых, начинающих: «Если вы готовы привязать себя к письменному столу, если вы намерены сказать своё слово в литературе — относитесь к этому серьёзно, ответственно. Много читайте, любите и берегите родной язык, пишите только о том, что хорошо знаете, что прочувствовали сами, чем готовы поделиться со своими читателями». Давайте всё же попробуем восстановить эту статью хотя бы частично, в том виде, насколько это возможно сделать с газетной полосы.

О ТВОРЧЕСТВЕ НАЧИНАЮЩИХ ПОЭТОВ

Редакция газеты «Кузбасс» ежедневно получает рукописи с рассказами, очерками, стихами начинающих авторов. Пишут люди

разных профессий и возрастов, с различным уровнем образования и способностей, но всех их роднит единое стремление — отобразить художественными средствами сегодняшний день во всём его величии и многообразии. Преобладающее место в присылаемых материалах занимают поэтические произведения. Поэтому в первую очередь хочется поговорить о стихах. Многие товарищи пробуют писать стихотворения, не задумываясь над тем, за какой ответственный труд они берутся. При таком отношении к своему творчеству понимание поэзии определяется лишь формой, наличием рифмованных слов, заключённых в рамки того или иного размера. Отсюда создается мнение, что стоит выдержать это требование — и стихи готовы к печати. Нет надобности опровергать такую ошибку.

Вспомним великого русского критика В. Г. Белинского. В его статье «Признаки истинно-художественного произведения» есть ценное замечание по поводу творческого процесса: «Истинный поэт, когда пишет, видит перед собой всё своё стихотворение в его целостности; ложный, написавши два первых стиха сразу и не думая, обыкновенно задумывается

над двумя последними, и эта две последние обычно бывают обязаны своим явлением не самим себе, а рифме. Что же в этом случае значит рифма? — Чистейшую случайность, сестру произвольности, плодородную мать прозаиков... Видимо, не все начинающие писатели придадут значение вопросам теории литературы. Чем же иным объяснить наивность некоторых молодых «поэтов», настаивающих на опубликовании своих сумбурных сочинений?

Вот письмо одного кемеровского товарища. Приводим дословно, с сохранением орфографии: «Отделу заказов издательства при типографии «Кузбасс». От Р. А., проживающего (адрес). Я попрошу вас очень убедительно дать мне ответ принимаются ли у вас от частных граждан заказы в отношении сочинённых людьми или стихов или написанные поэмы, повести, рассказы. Так вот я хотел бы если можно то отпечатать несколько жизненных стихов и вообще в дальнейшем продолжать свою работу. Так будьте добры дайте ответ если не затруднитесь, а для меня это толчок в жизнь» (дата, подпись). Комментарии излишни.

Следует только познакомиться с одним из четверостиший «жизненного» стихотворения. Называется оно «Дождь». Первые строки настолько «образны», что едва ли сам Р. А. понимает их смысл: «Вот молнии сверкнули грозно и гром потряс поток речей. Ты скажешь, ветреная феба: «Можно!» И дождь польётся как ручей». Такой «толчок в жизнь» человека, который, вместо того чтобы научиться грамотно писать и отличать редакцию газеты от швейно-обувного ателье, кроит рифмы и торопится сделать заказ на издание своей зауми.

А вот другой сочинитель — из Сталинска (ныне Новокузнецк. — Прим. Н. Инякиной). Этот уж и псевдоним придумал — Алтайский Сибиряк. В приписке к своим трудам он сообщает о том, что стихи его были напечатаны в литературно-художественном журнале московского издательства. Это сообщение нас обрадовало. Но радость оказалась преждевременной.

Читаем первое стихотворение — «Сибирская досуга». Что это такое? Оказывается — «единственная красавица полей», с которой прощается лирический герой Ал-

тайского Сибиряка. Дальше упоминается «знакомая подруга, любовница поэзии моей». (Этого ещё не хватало!) Подруга подвергается обвинению в каком-то нечестном поступке: «Довольно, хватит притворяться, я знаю всё, зачем напрасно врать. Не лучше ль нам с тобой расстаться, чем глупую комедию играть». Действительно, зачем разгрызать комедию с причастностью к столичным журналам? Возникает вопрос: почему люди, испытывающие потребность писать, считают, что можно стать писателем, не зная родного языка? Они вносят в стихи всё, что придёт на ум, жонглируют словами, перетасовывают их подобно игральным картам и затем выбрасывают на стол редактора, который почему-то должен разгадывать да ещё печатать эти безграмотные кроссворды. До чего только не доходят легкомысленные стихотворцы!

Недавно пожилой человек принёс в редакцию объёмистую тетрадь со стихами. Казалось бы, уж тут-то найдётся что-нибудь существенное. Открываем первую страницу и читаем заголовок: «Жизнь и её проявление». Должно быть, интересно! «Много

в мире есть рассказов, много сказов и доказов, как народ наш нарождён и откуда взялся он». И в таком духе на протяжении четырёх страниц. Начало следующего трактата ещё оригинальней: «Краткий очерк эволюционного развития человека». И снова: «Чтоб в жизни знать, кто как, откуда мог родиться, откуда взялся наш народ, весь человеческий наш род»... Мороз идёт по коже, когда подумаешь: «А вдруг П. П. решит переложить в стихах полный курс математических наук?». Совершенно очевидным фактом является то, что в своих литературных занятиях он «рубит дерево не по плечу».

Товарищ А. Г. (г. Киселёвск) прислал в отдел печати обкома жалобу на одного из членов Кемеровской литературной группы, который, разобрав его слабые стихи, посоветовал изучать произведения классиков. А между тем, у кого же учиться нам, если не у мастеров поэзии и прозы? Сколько полезного можно почерпнуть из их творений! Обратимся снова к Белинскому. «Есть два способа, — говорит он, — выразить внутренний мир своих представлений: посредством чистой мысли — логически — и непосред-

ственно — в образах. Этот второй, или непосредственный способ выражения идеи, вообще называется поэтическим или художественным». Если бы А. Г. прочёл это раньше, чем заняться творчеством, он не заслужил бы, пожалуй, упрёка коллеги в отношении беспомощности своих стихов.

Но в Кузбассе есть немало поэтов и прозаиков, идущих правильной дорогой. Они упорно развивают свои способности в настоящем творческом труде. Мы отнюдь не имеем в виду только членов кемеровской литгруппы. Среди рукописей иногородних поэтов есть стихотворения, с первых строк обращающие на себя внимание. Их авторы по обыкновению отличаются скромностью. Не претендуя на место в газете, они ограничиваются просьбой дать отзыв на написанное. Эта, как будто незначительная, деталь имеет положительную сторону: она связана с большой требовательностью пишущего к своему материалу.

Ф. Слухов (г. Киселёвск) прислал на консультацию литгруппы несколько стихотворений и поэму о возвращении шахтёра-фронтовика в родной город. Поэма обсуждалась на одной из литературных «сред». В поэме

есть поэтический огонёк, пробивающийся из отдельных строф. Несмотря на запутанный сюжет поэмы, техническую невыдержанность многих мест, в ней немало запоминающихся, образных деталей.

Хорошее начало: «В окна с улицы хмуро глядела прикузнецкая тёмная ночь». Автор, очевидно, правильно понимает слова Белинского: «Поэзия не описывает предмета, а показывает его». Это предположение подтверждается рядом удачных образов и сравнений. Приведём примеры: «А у гостя <...> выпал и рассыпался по полу смех», «раздражительно, громко, дико крикнул брошенный в угол баян». Ясно одно: у Слухова есть свой вкус, но нет опыта. Неумение строить композицию, нагнетать содержание характерно для автора. Он ещё не чувствует, что у него плохо, что хорошо.

В некоторых местах он сделал попытку верно подать материал, а в целом поэма не удалась. Что ж, на ошибках учатся. Есть основание надеяться, что при серьёзной работе над собой Слухов непременно добьётся удачи.

Следует остановиться на стихах В. Чубарова (г. Ленинск-Кузнецкий). Темы его сти-

хов разнообразны, как сама жизнь. Поэта не может не волновать цветок, выросший «на почве каменистой» меж зарослей бурьяна и полыни, который «тянет к солнцу голову свою»; забойщики, с песней спускающиеся в шахту, и многое другое, о чём пробует писать Чубаров.

Л. Лазукин (г. Анжеро-Судженск), посылая в редакцию стихотворение «Шинель», просит «указать на его недостатки и порекомендовать литературу для самостоятельного изучения поэтического мастерства». Желание закономерное — Лазукину есть смысл писать. Об этом свидетельствует его стихотворение. Просто и задумчиво рассказывает он о том, какой неразлучной подругой на фронте была для солдата его шинель, с которой он форсировал Дон, Вислу, Одер и Шпрее. Убедительно звучат последние строки: «И теперь, вернувшись вместе в город угольный, родной, не расстанусь, как с невестой, я с шинелью фронтовой».

Мы видим, что поэтическая удача нередко зависит от выбора темы — она должна решать что-то конкретное, пережитое самим автором или глубоко прочувствованное. Мы

верим, что Кузбасс будет иметь своих писателей. Уже сейчас во всех уголках Кузбасса растут молодые побеги неокрепших талантов, которые расцветут и зашумят листвою под солнцем завтрашнего дня, радуя слух и глаз всякого, кто любит жизнь и литературу. Мы вправе возлагать надежды на некоторых начинающих поэтов: И. Давыдов, Ф. Меркуленко (г. Прокопьевск), В. Дубский (Кемерово, шахта «Бутовка»), П. Басманов (г. Салаир), И. Кузнецов, В. Лесников (г. Пурьевск), Е. Есипов (Мысковский район), И. Киселёв (Ленинск-Кузнецкий) и другие.

Серьёзное начало положено Кемеровской литературной группой. В Сталинске еженедельно проводятся творческие собеседования. Стоит ли обижаться на редакторов, если они бракуют несовершенные вещи? Ещё в 1934 году М. И. Калинин так отвечал хныкающим писателям, которые жаловались на то, что их мало печатают: «Жалобы эти, конечно, необоснованны. Ясно, что дребедень никто печатать не станет. И так у нас, нужно прямо сказать, дребедени выходит слишком много. Мы ставим своей задачей выпустить книги для просвещения масс, а пе-

чатаем часто белиберду, которая потоком идёт в макулатуру». Эти слова мудрого учителя <...> советских людей сохранили своё <...> до настоящего времени. С т <...> ... вания к писателям немно <...> ...ли. Если мы хотим разгова <...> ...телем — мы обязаны удо <...> требования. Мих[аил Небогатов].

Любому поэту — начинающему ли, маститому — всегда важно, чтобы у его стихов обязательно появлялись те люди, которым эти стихи были бы близки и понятны, то есть читатели, которых можно было бы назвать единомышленниками, единоверцами поэта. Небогатов дал в своё время очень точное определение таким читателям: «родственные души». Ему, как и другим поэтам, было небезразлично, находит ли его творчество отзвук в душах тех, кому эти стихи и предназначены, для кого он пишет. И родились строчки, в которых он свой вопрос-беспокойство задал и в которых и ответ содержится: «Для кого бы творили поэты, если б не было родственных душ?!». Приведу в качестве примера эту пару стихотворений на тему размышлений о творчестве, а потом покажу ещё одно, в котором Михаил Александрович

подчеркнул сходство, на его взгляд, профессий поэта и... шахтёра. К слову, об этом втором одноимённом стихотворении: ему в этом августе исполнилось ровно 40 лет! Опубликовано оно было 31 августа 1980 года, как обычно, на первой полосе областной газеты «Кузбасс» как поздравление шахтёрам — представителям главной профессии в Кузбассе. А для начала — два стихотворения более старших, если так можно их назвать, «по возрасту», то есть по рождению и публикации. Обидно, что не обошлось без досадной опечатки: пропущена целая строка, восстановить которую не представляется возможным — в черновиках и рукописях я не нашла этого стихотворения, а сам поэт только досадует на ошибку, но не поясняет, какие именно слова пропустили в газете... (из дневниковых записей: «1964 год, воскресенье, 9 февраля: Сегодня в «Комсомольце Кузбасса» дали два моих стихотворения — «Телефон» и «Родство душ». В первом не обошлось без накладки — выпала одна строчка. <...>»). А «Родство» потеряло слово «душ». Это уже моё, Н. Инякиной, примечание. К тому же это один из вариантов стихотворения, которое имеет несколько редакций...

Михаил НЕБОГАТОВ

СТИХИ-РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ

ТЕЛЕФОН

Один лишь провод, нить одна
У трубки телефонной,
А с миром связана она
И днём, и в час бессонный.
По виду — мёртвый аппарат,
Стоит в углу без цели,
Но я всегда услышать рад
Его живые трели.
Они, настойчиво звоня,
Бывает, ждут ответа,
Когда в квартире нет меня —
Я в людном мире где-то...
Ищу на тайных стёжках строк
Поэзию по крупке.
Душа на взлёте. И — звонок!
Знакомый голос в трубке.
Володя это, старый друг.
Трудился в одиночку —
И вот пришла охота вдруг
На мне проверить строчку.

Наш разговор обоим впрок —
 Душевная зарядка...
 Даём отбой. И вновь звонок!
 На этот раз — всё кратко:
 На днях я должен почитать
 Стихи ребятам в школе...
 А через час звонок опять,
 Как колокольчик в поле:
 Заказ редакции — стихи
 Я должен дать газете.
 Пускай другие к ним глухи —
 Люблю заказы эти.
 Хотя все просьбы не смогу
 Исполнить быстрым ходом,
 Но важно мне, что я в долгу,
 В долгу перед народом*.

 Кривить душой не будем:
 Людьями мы чувствуем себя,
 Пока нужны мы людям.

РОДСТВО

Это мнение, мы знаем, не ново:
 Дескать, скучно бывает, когда
 Понимают друг друга без слова,
 Как звезду понимает звезда.
 Дескать, лучше, стократ интересней,
 Коль несхожие люди сошлись, —
 Чтобы разные думы и песни,
 Чтобы разные взгляды на жизнь.
 Но тружусь я с надеждой одною,
 Одного утешенья ишу:
 Должен кто-нибудь вместе со мною
 Загрустить, если я загрущу.
 Чтоб случайно меня не обидеть,
 Не свести вдохновенье к нулю,
 Должен кто-то любить, ненавидеть
 То, что я ненавижу, люблю.
 Должен кто-то моими глазами
 Видеть мир, окружающий нас:
 Облака над полями, лесами,
 И весёлого дождика пляс,
 И небесной дуги самоцветы
 В зеркалах успокоенных луж...
 Для кого бы творили поэты,
 Если б не было родственных душ?

* При публикации в газете следующая строчка была утрачена.

РОДСТВО

В работе шахтёра, поэта
 Есть общее что-то, одно.
 Вы оба — добытчики света,
 Вам счастье проходки дано!
 Шахтёра уводит под своды
 Мечта о движенье вперёд,
 Поэт среди словесной породы
 Свой творческий поиск ведёт.
 Он ищет словцо, что заветно
 И радостно, словно весна.
 Пускай по стихам незаметно —
 Проходка поэта трудна.
 И он попадает порою
 Под страшный завал неудач:
 Сомнения давят горою,
 Не движется дело — хоть плачь...
 Но оба душой не трусливы,
 Пробьются, до цели дойдут!
 В груди — вдохновенья порывы,
 Влюблённость высокая в труд.
 Шахтёр ли гордиться не вправе,
 Коль чьё-то вниманье привлёк —
 В гремящем вагоне, в составе
 Добытый вчера уголёк!

И та же поэту награда
 За строчки, добытые им, —
 Коль в сердце нашёл он, что надо
 Не только ему, а другим.

* * *

В поэзии готов стоять горой
 За то, чтоб быть всегда самим собою,
 Чтоб за меня лирический герой
 Не щеголял придуманной судьбою.
 Свою судьбу — и радость, и беду —
 Вверяю я стихам, что встали строем.
 Такой, как есть, к читателям иду,
 Не прячась за лирическим героем.

ПСЕВДОНИМ

И я имел когда-то псевдоним.
 Однажды, предложив стихи газете,
 Я подписался: «Ключевой Вадим».
 Как хорошо слова звучали эти!..
 Фамилии отцовской изменил! —
 Винил себя потом, газету спрятав.
 С чего Вадим, когда ты Михаил!
 Чем хуже Ключевого Небогатов!

**ВДОХНОВЕНИЕ
(СОБРАТУ ПО ПЕРУ)**

Пока живёт в душе волнение —
 Не отрывайся от стола!
 И верь: войдут в стихотворенье
 Живые люди, их дела.
 Всё, что искал в другое время
 И, может быть, не находил —
 Сейчас простора просит теме —
 И ты сумеешь. Хватит сил!
 Не называй, смотри, ошибкой
 Иль самомнением мой совет,
 Не отвечай с кривой улыбкой,
 Что кто поэт — всегда поэт.
 Считаю чем хочешь, хоть экстазом,
 Минуты эти — всё равно, —
 Когда строка ложится разом,
 Как след мазка на полотно,
 Когда как будто по нити
 Находишь быстро верный ход,
 Любому факту и событию,
 Любому образу — полёт.
 Я этот день благословляю
 И дорожу им от души.

Что скажут критики, не знаю,
 Сейчас одно: сиди пиши!
 Нет бесконечного на свете.
 Пройдёт и это. Не секрет.
 А нет волнения в поэте,
 То никакой он не поэт.
 Будь даже мастером со стажем —
 Ничьи не тронет он сердца,
 Коль не раскроет, прямо скажем,
 Свой мир душевный до конца...

* * *

Обидно мне: за тридцать с лишним лет
 Я не сказал значительного слова.
 А может быть, его в душе и нет?
 Быть может, зря ищу его я снова?
 Нет, есть оно! Недаром же в груди
 Всегда живёт такое ощущение,
 Что не в былом, а где-то впереди
 Мой лучший стих, всей жизни откровенье.

* * *

Не всяк поэт на исповедь способен.
Иной портному бойкому подобен:
Кроит стихи, как платья, на заказ.
Рука набита и намётан глаз.
С журналом мод портной не расстается.
Любой фасон на выбор там найдётся.
Под статью ему ремесленник-поэт.
С утра сидит над кипюю газет.
Отыщет в них статью передовую —
И рад: «Я это мигом зарифмую».
О том, о чём строчит он впопыхах,
Лишь самого поэта нет в стихах.
Вот так же шьёт портной свои костюмы:
Узнай по ним мечты его и думы.
Но швейный мастер всё-таки скромней:
Сдаёт заказ без подписи своей...

* * *

Кому стихи даются потом,
Найдёт ли радость он в стихах?
Пусть посвятит себя заботам
О прозаических делах!

Невольно Пушкина вспомняешь:
Как он легко владел стихом!
Сто раз прочтёшь — не перестанешь
Дивиться, сколько силы в нём!
Как мудрый бог, он мог без риска,
Что рифмы вступят в ссору с ним,
Шутя в стихах черкнуть записку
Гусиным пёрышком своим.

* * *

Поэзия. А что такое это?
Как суть её точнее определить?
Никто не даст нам полного ответа,
И так, и этак можно говорить.
Одно лишь ясно — нету в том секрета,
Одно мы в силах для себя открыть:
Не всяк поэт, кто в звании поэта,
Не всем стихам дано стихами быть.
Когда в словах, что встретились впервые,
Находишь что-то кровное, своё,
Когда они, как будто бы живые,
Берут, волнуя, за сердце твоё,
То понимаешь сам: слова простые —
Поэзия и есть. Нашёл её.

* * *

В своём труде я вижу путь один:
Из пальца не высасывать ни слова.
Всё брать из сердца, из его глубин,
Оно одно всего первооснова.
Пусть не достигнуть мне больших вершин
И не добиться крупного улова,
Пусть меряю я всё на свой аршин,
Но, может быть, и нет пути иного?
Да, мой девиз: быть с правдою в ладу,
Всё остальное просто неуместно.
Какого я читателя найду,
Найду ль его — пока что неизвестно.
О, если б то, о чём я речь веду,
Кому-нибудь да было интересно!..

Оглавление

Читаем небогатовские строчки.....	3
Глава 1. Всекузбасский учитель поэтов.....	5
Глава 2. Немного статистики	17
Глава 3. Штрихи к портретам выходцев из «Факультета молодого литератора» (записи М. Небогатова и разыскания Н. Инякиной)	22
Глава 4. Михаил Небогатов о творчестве	79

Литературно-художественное издание

УРОКИ МИХАИЛА НЕБОГАТОВА
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Книга 1

Часть 1

Автор-составитель
Инякина (Небогатова) Нина Михайловна

Редактор *Е. В. Фефелова*

Корректор *Н. В. Стрелкина*

Компьютерная верстка и дизайн обложки

Л. А. Астанковой

6+

Подписано в печать 21.09.2020. Формат 60×84¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,9
Тираж 300 экз. Заказ № 159

Адрес издательства и типографии ООО «АИ «Кузбассвузиздат»:
650993, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Кирова, 45.
Тел. 8 (3842) 36-36-00, 36-12-14. E-mail: 58293469@mail.ru